ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ И ТЕКСТОВЫЕ ЕДИНИЦЫ АНАЛИЗА, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В контексте законодательных норм под действием понимаются любые целенаправленные формы внешней и внутренней практической деятельности, включая передачу и обнародование информации языковыми или изобразительными средствами. Информационное действие квалифицируется как законченное, когда был совершен акт коммуникации, т. е. состоялось распространение каких-либо сведений — высказываний, лозунгов или изображений (опубликован текст, состоялось публичное выступление, выпущены в радио- или телеэфир информационные сюжеты, информация выложена в интернете).

Языковая информация — это сведения, суждения, утверждения, умозаключения, волеизъявления, содержащиеся в тексте, которые характеризуют какой-либо объект мысли (предмет, личность, событие, ситуацию, положение, состояние дел и т. п.)[1]. Исходя из особенностей языковых средств, использованных в сообщении, и характера

[1] В отличие от других гуманитарных наук, где часто устанавливаются прямые заместительные связи между знаком (т. е. значением знака) и реальным объектом наименования, в лингвистике связь знака, обозначающего какой-либо предмет мысли, и реального объекта опосредована понятием о нем. С позиции теории языка в отношениях между знаком, понятием и реальным объектом нет равноправия, поскольку в языковых формах мыслительного представления о признаках «предмета» сам предмет мысли физически отсутствует. У языкового знака существует единственная связь — это ментальная связь с понятиями, соотносимыми в речи со значениями этого знака. В сознании реальный предмет замещается определенным мыслительным содержанием, отражающим накопленный объем знаний о признаках и свойствах предмета речи. Связь между формальным и семантическим содержанием языкового знака и понятием как объектом сознания реализуется в контекстном значении знака таким образом, что в мыслительном содержании понятия можно выделить комплексы признаков, формирующие знания о нем. Эти знания делятся на (1) знание о языковом знаке (о его структурных, функциональных особенностях), опосредованное опытом владения языком, и (2) знание о внеязыковом объекте мысли (его атрибутивных и акцидентных свойствах, функциях), которое обусловлено практическим, жизненным опытом.

понятийно-риторических связей между частями высказывания, информация может быть:

- констатирующей — содержащей сведения о конкретных ситуациях, реальных происшествиях или событиях, о поступках или поведении физического лица, о деятельности юридического лица и т. п. (этот тип языковой информации реализует номинативную, информативную функцию речевого действия, позволяющую сообщить слушателю о количественных и качественных характеристиках предметного мира);
- убеждающей — содержащей аргументы в поддержку какого-либо мнения, суждения о личных качествах людей, оценочные характеристики ситуаций или событий, которые в общественном сознании, в чьей-либо системе ценностей описываются как хорошие/плохие, правильные/неправильные, вредные/полезные и т. п. (этот тип языковой информации реализует экспрессивную, оценочную функцию речевого действия, позволяющую выразить эмоциональное состояние говорящего, его субъективное отношение к обозначаемым предметам и явлениям действительности);
- директивной — выражающей речевые действия, направленные на организацию, управление целенаправленным поведением, сознательными действиями людей, побуждение их к действию (этот тип языковой информации реализует волитивную функцию речевого действия, позволяющую выразить различные оттенки проявлений воли, требований, желаний говорящего).

В гуманитарных науках, включая лингвистику, логику, философию, психологию, понятие «высказывание» часто используется для обозначения речевой реализации синтаксического предложения как минимальной единицы общения, обладающей интонационным центром и состоящей из двух компонентов: темы и ремы. При функционально-прагматическом подходе к анализу связного текста понятие «высказывание» наделяется более широким содержанием. В настоящей методике под высказыванием (т. е. под композитным высказыванием) понимается речевая метасинтаксическая структура, образуемая совокупностью суждений, характеризующих главный риторический объект или тему. Эта речевая единица в аспекте функционально-прагматического анализа предстает как минимальная единица связного текста[2].

---

[2] Аналогами понятию «высказывание» в научной литературе выступают содержательные компоненты текста разной протяженности. Они обозначаются понятиями: сложное синтаксическое целое, прозаическая строфа, суперсинтаксическое единство, линейно-ситаксическая цепь, суперсегмент, микротекст и др.

Композитное высказывание — это целостная риторическая конструкция. В основе ее связности лежит коммуникативная преемственность предложений, т. е. такая текстовая последовательность, в которой каждое предложение строится с учетом содержания предыдущего, характеризуя один и тот же риторический объект. Композитное высказывание характеризуется относительной завершенностью темы, синтаксической и понятийно-семантической спаянностью компонентов. Отдельные предложения в составе сложного синтаксического целого объединяются синтаксическими средствами межфразовых связей (союзами, местоимениями, эллипсисами), а также, что не менее важно, — понятийно-семантической согласованностью элементов риторической конструкции.

В высказывании говорящий реализует коммуникативные намерения, которые для целей экспертных исследований можно свести к трем функционально-смысловым типам речи: описание, повествование и рассуждение[3].

Если **описание** предполагает фактическую констатирующую характеристику объектов, наличного явления или ситуации в статике, то **повествование** характеризует объекты, события во временной последовательности и развитии. Коммуникативные намерения, реализующиеся в описаниях и повествовании, обычно облекаются в форму дескриптивных высказываний.

В основе **рассуждения** лежит логико-понятийное обобщение фактов, установление импликативных отношений между событиями и их оценкой. Рассуждения составляют базу нормативных высказываний, т. е. устанавливающих правила и ценности. Композитное убеждающее высказывание относится к тому типу предписывающих рассуждений, в котором обосновывается правдивость, правильность, целесообразность приписывания объекту мысли определенных признаков, качественных характеристик и оценок.

Композитное высказывание, являясь наименьшей прагматической единицей смысловой структуры текста, обычно содержит несколько грамматически выделяемых предложений, каждое из которых в рамках общей риторической структуры характеризует один и тот же объект речи, но с разных сторон. Функция высказывания (как единицы риторической структуры текста) состоит в организации единого понятийного пространства характеристик главного риторического объекта,

---

[3] Подробнее об этом см.: *Всеволодова М. В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000; Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожиной. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006.

связанных между собой отношениями обусловленности. Единое понятийное пространство — это структура сведений о внешних и внутренних сторонах главного объекта высказывания, объединенная общими пространственно-временными условиями его существования.

Функционально-прагматическое содержание высказывания является центральным объектом экспертного исследования. Это тот объем информации, который адресат способен извлечь из фрагмента текста, руководствуясь своими знаниями о языке и мире. В формировании содержания текста принимают участие единицы всех уровней языка. Элементы структуры предложения, связываемые в речи с помощью лексико-грамматических характеристик словосочетания, слушатель определяет и согласовывает по функционально-семантическим признакам. Ведь понять высказывание значит верно интерпретировать речевую связь языковых знаков с признаками мыслительного содержания соответствующих понятий. Для этого слушатель, руководствуясь грамматическими связями слов (морфо-синтаксической когезией словоформ), восстанавливает семантическую соотнесенность слов и словосочетаний. Знание законов языка позволяет ему создавать понятийно-семантические структуры, соответствующие его знаниям о мире.

Слушатель использует разнообразные аналитические и синтетические приемы, связанные с пониманием и объяснением, сопоставлением и истолкованием, обоснованием и проверкой. Интерпретации подвергается как сам акт коммуникации, так и сообщаемая информация. Это позволяет выделить в мыслительном содержании высказывания комбинации четырех типов базовых структур: факт, мнение, оценка, волеизъявление. Из них только факты можно верифицировать, т. е. проверить содержание информации на достоверность.

Язык не просто используется в процессе коммуникации — он во многом определяет извлекаемое содержание речевых действий. Далеко не вся информация, имеющая внешнюю форму факта, таковой является. Сведения, зафиксированные как отражение действительности и воспринятые слушателем как объективная характеристика реальных событий, на самом деле могут оказаться чем-то иным. Ведь сознание рождает особую реальность — мыслимую, принципиально отличную от мира, существующего вне сознания. Для слушателя распознавание сообщения есть результат когнитивной атрибуции и прагматической интерпретации языковых средств, использованных в тексте. С помощью этих процедур выделяются и верифицируются факты, сопоставляются и сравниваются с собственным опытом услышанные оценки, мнения, анализируется необходимость принятия

к сведению или исполнения волеизъявлений говорящего. Линейную последовательность авторских рассуждений слушатель преобразует в коммуникативные единицы содержания текста, которые на основании совместимости признаков языковых средств (их понятийно-семантической когеренции) слушатель соединяет в риторическую конструкцию, называемую композитным высказыванием. Для этого слушатель синтезирует тематическое ядро высказывания, аргументы к нему и умозаключения, предлагаемые говорящим. Получившееся в результате смысловое целое и есть функционально-прагматическое содержание высказывания.

Поскольку в содержании высказывания фиксируется авторское понимание событий, а не реальные события, здесь важно подчеркнуть принципиальное различие между языковым образом действительности, который запечатлен в тексте, и внеязыковой действительностью, которая перерабатывается в сознании говорящего в мыслимую реальность и отражается в содержании его речевых действий. Внеязыковая действительность объективна в том смысле, что любые проявления ее бытийности не зависят от воспринимающего субъекта, но, будучи отраженной в языковых формах, она приобретает субъективизм, доля которого в знаковом содержании зависит от воспринимающего интерпретатора — автора речевых действий. В этом смысле содержание предикатно-актантной основы предложения отражает не только реальность, но и авторское восприятие, авторскую характеристику выделяемого фрагмента действительности.

При анализе прагматического содержания важно также контролировать источник информации, т. е. лицо, предоставившее распространяемые сведения. Источники информации могут быть определенными, поименованными в тексте (*по словам пресс-секретаря*, *как заявил В. В. Иванов, как сообщает РИА «Новости»*) или анонимными, неназванными (*как сообщил наш источник в Администрации Президента*), а также не определенными (*по слухам*, *как говорят все*, *по некоторым сведениям*, *как нам стало известно*). В том случае, когда текст по уверениям автора принадлежит не ему, а высшей силе, автором неизбежно должен считаться тот, кто был юридически значимым источником и создателем информации[4].

Содержание языковых средств, используемых автором для воплощения сведений об известных ему фактах, своей трактовке событий, отношении к ситуации, о качестве взаимоотношений между людьми

[4] Такие тексты обычно создаются руководителями недавно образованных религиозных групп.

и т. д., состоит из двух различных компонентов: диктумной и модусной части[5]. Каждый из этих понятийно-семантических компонентов содержания языковых средств характеризует принципиально разные стороны отраженной действительности.

Диктумная часть (или диктум) — это верифицируемый (рационально-когнитивный) компонент языковых средств, который составляют семантические признаки, характеризующие объективное, конкретное, предметное знание. Оно основано на эмпирическом, рациональном освоении результатов непосредственного воздействия на органы чувств человека вещных, материальных свойств предмета. Диктумом охватываются материально-эмпирические, условно-фактические признаки понятий и утверждений, отражающие в сознании объективные свойства и качества денотатов (т. е. внеязыковых референтов, понятия о которых обладают категорией вещности). Сюда входят понятия, обобщающие чувственные образы воздействия внешней силы на материально-вещественные объекты, включая человека, понятия, характеризующие природные процессы, конкретные физические действия человека. Диктумные признаки понятий связываются в суждениях на основании природной смежности, совместимости, равносущности их реальных денотатов на оси «целое — часть» фрагмента действительности, конкретизируя «часть» реальности. Диктумная часть содержания языковых средств осознается как фактическое (констатирующее, объективное) знание о материально-вещественных объектах, об их количественных характеристиках (по параметру «мало/много»), внешних объективно-качественных свойствах и предикатных способах их пространственной и временной реализации (по параметрам «далеко/близко», «быстро/медленно», «долго/кратко», «часто/редко», «начало/конец»).

Модусная часть (или модус) — это интерпретирующий (эмоционально-прагматический) компонент языковых средств, который включает семантико-синтаксические, лексико-семантические, и стилистические признаки, характеризующие субъективно-качественные и экспрессивно-оценочные аспекты значения высказывания. Модусную часть содер-

---

[5] В отличие от теории высказывания Ш. Балли, в которой термины средневековой схоластики *диктум* (лат. *dictum* — слово, выражение) и *модус* (лат. *modus* — способ) используются для обозначения объективной и субъективной частей суждения (предложения), в данной методике этими терминами обозначаются частные компоненты семантической функции различных видов языковых средств (морфологических, синтаксических, лексико-семантических, функционально-прагматических). Информация о рациональном содержании языкового средства именуется *диктумом*, а свойственное определенной части языковых средств выражение субъективно-личного отношения к рациональному содержанию — *модусом*.

жания составляют значения понятийных признаков, отражающих субъективно-ментальную, оценочную характеристику объектов высказывания. С помощью модуса характеризуется степень значимости (оценка важности, ценности, полезности), целесообразности или необходимости предмета речи для говорящего, степени его информированности о предмете речи. Модус объединяет эмоционально-экспрессивную, регулятивную часть признаков понятий и суждений, которые связаны субъективными конструктивно-логическими обобщениями. В модусной части признаков фиксируется опыт оценочной интерпретации качественных (волевых, интеллектуальных, моральных, нравственных, эмоциональных, идеологических, этических) сторон деятельности одушевленных существ, стихийных проявлений сил природы и природных процессов. Модусные части суждений с признаками субъективно-качественной характеристики свойств объектов и проявлений предикатных признаков образуют мыслительные структуры, отражающие результаты личного восприятия качественных характеристик материально-вещественных объектов. Модусы выражают оценки лица, его деятельности, а также оценки поступков физического лица с точки зрения здравого смысла, морали или с правовой точки зрения (в той мере, в которой это может понимать любой дееспособный гражданин, не имеющий специальных познаний в области юриспруденции). Такие понятийные признаки связаны импликативными отношениями, и в суждениях о денотатах осознаются как выводы из фрагмента действительности на оси «общее — частное», наслаиваясь при этом на диктумную часть значения как «частное». Модусная часть содержания языковых средств оказывает регулятивное речевое воздействие на мнение и сознание слушателей, поскольку обладает свойствами субъективной информации (с параметрами «плохой/хороший», «справедливый/несправедливый», «честный/нечестный», «объективный/субъективный» и т. п.). В частности, укажем на значения с негативным модусом, интерпретирующим диктумную часть лексического содержания языкового знака: *сговор*, *шельмовать*, *клеветать*, *всучить*, *навязать*, *самоуправство*, *пресловутый*, *вопиющий*, *зачинщик*, *пособник*, *подлец*, *фанатик*, *экстремист*, *военщина*, *бодрячество*, *потуги*, *интервенция*, *сборище*, *произвол*, *водяра*, *винище*, *морда* или на модусную часть значения словосочетаний: *нелепые бредни*, *подлая демагогия*, *пустые фантазии*, *тоталитарная секта*, *беспробудный пьяница*, *усатая гадина* и т. п. Продолжая иллюстрации диктумных и модусных языковых средств, процитируем слова П. А. Столыпина: «*Народ, не имеющий национального самосознания — есть навоз, на котором произрастают другие народы*» (здесь используются значения слов с диктумным и модусным компонентами), приведем также высказывание

А. В. Суворова: «*Я русский, — какой восторг!*», состоящее из диктумной (*я русский*) и модусной (*какой восторг!*) части[6].

Выбор языковых средств с определенным диктумом и модусом осуществляется автором и зависит от качеств темы сообщения. Диктумный аспект языковых средств обеспечивает указание на объективные признаки предмета речи, характеризующие внеязыковой референт, поэтому общность диктумных компонентов определяется главным объектом речи и темой сообщения. Языковые средства с нейтральным модусом широко используются в сообщениях о ситуациях, событиях, явлениях, о лице, поступках людей, которые обычно не описываются в ценностных категориях (к такой информации неприменимы оценки «хорошо» и «плохо»).

Если диктумом обладают все инструментальные и коммуникативные языковые средства, то модусом (положительным или отрицательным) обладают далеко не все из них. Именно значения семантических признаков диктума создают когеренцию языковых средств, а вот использование в речи средств с модусным компонентом целиком зависит от воли автора и не влияет на порядок и правила понятийно-семантического связывания частей высказывания. Увеличивая количество языковых средств, обладающих модусом, автор усиливает речевое воздействие на эмоциональную сторону сознания слушателей, поскольку модусный аспект языковых инструментов обеспечивает выражение авторского отношения к предмету мысли и его признакам. Например, языковые средства с резко негативным модусным компонентом реализуют нетолерантную форму речевого поведения и являются потенциальным источником конфликтной речевой ситуации.

При анализе связного текста необходимо учитывать не только языковую форму изложения, но и коммуникативную установку, которую заложил в текст его автор. В этом случае проблема состоит в коммуникативно-риторическом анализе текста, в определении его логико-смысловой направленности, поэтому задачи, которые приходится решать при таком анализе, связаны не только с выяснением стилистической маркированности языковых средств, но и с определением задач, которые решаются путем их использования.

Выбор языковых средств с позитивным модусом, позволяющим говорящему выразить свое личное положительное отношение к си-

---

[6] В настоящее время обе цитаты используются в национально ориентированном дискурсе. См., например: http://www.soprotivlenie.su/slovo/ya_russkiy_kakoy_vostorg.html; http://slavyanskiysoyuz.ru/26-my-russkie-kakoy-vostorg.html; http://gidepark.ru/user/875461648/content/653617$; http://rrusia.livejournal.com/5980.html и мн. др.

туациям, событиям, действиям людей, в общем случае не становится причиной конфликта. Однако, если мнение автора не совпадает с социально признанными представлениями о результатах, приносящих личное и общественное благо, способствующих или обеспечивающих развитие общества[7], то автор высказывания становится виновником конфликтной информационной ситуации.

Если тема сообщения касается проблем, вызванных противоречиями в социальной, экономической, политической, культурной жизни общества, связана с обсуждением духовно-нравственных и этических норм, на которых базируется общественное сознание, то такая тематика неизбежно оценивается слушателями с точки зрения ее ценностных (праксиологических, аксиологических) свойств и качеств. Высказывание в поддержку или в опровержение того или иного взгляда на проблему, на способы ее решения, также создает конфликтную речевую ситуацию. Вместе с тем причиной такого конфликта могут быть не только содержание и стилистика авторских суждений, но и тематика сообщения. Часто сама обсуждаемая тема — накопившиеся болезненные проблемы общества — воспринимается частью общества как запретная. В связи с этим в экспертном исследовании следует различать тему высказывания и его целевую направленность, конфликтность темы и коммуникативные задачи высказывания.

Конфликтность темы сообщения связана с обсуждением общественно значимых действий социальных субъектов, противоречиями интересов различных групп общества и т. п. Ясное изложение доводов, которыми автор аргументирует свою позицию по конфликтной проблеме, является коммуникативной задачей высказывания. Успешная реализация этой задачи почти всегда встречает возражения сторонников противоположной (обычно доминирующей в обществе) точки зрения, сопровождающиеся недовольством или даже обидой. Вызвано это тем, что в аргументации могут быть использованы сведения, противоречащие житейским этическим смыслам, социальным мифам, привычным представлениям о морально-нравственных ценностях, закрепленных в «культурном коде» народа. Так, конфликтность темы подчеркивает мнение, выражающее отрицательную оценку личных качеств людей, умаляющее их человеческое достоинство, дискредитирующее профессиональную компетентность, деловую репутацию. Оценочные суждения, разрушающие чьи-то надежды на лучшее буду-

---

[7] Например, высказывания, оправдывающие в той или иной форме террористические действия или положительно оценивающие личность человека в связи с совершенными им террористическими действиями и т. п.

щее, отрицающие возможность профессионального развития, карьерного продвижения, также вызывают эмоциональное неприятие. Такая информация иногда передается с использованием речевых средств, обладающих негативным модусом, поэтому анализ коммуникативных задач высказывания необходимо дополнять доказательством целевой направленности высказывания. Ведь указание на факт выражения авторского мнения по конфликтной теме еще не является доказательством противоправности самого высказывания. В качестве примера приведем потенциально конфликтное высказывание В. Безобразова, в котором негативная оценка взглядов части российской интеллигенции объясняется позицией, занятой ею по вопросу о путях развития и способах управления страной.

«Каким-то невероятным, непостижимым разуму образом русское общество чьей-то волей оказалось сегодня на грани исторической параллели февральской революции 1917 года, когда едва ли не каждый плешивый русский интеллигент знал, что нужно делать, и куда идти. И путь был выбран этим интеллигентным стадом откормленных породистых свиней весьма необычный — до истерик и обмороков, до выкатывающихся из орбит глаз, до поросячьего визга презирать свое Отечество, искренне и неподдельно желая ему всех страшных мук и потерь и даже гибели! Узколобо уверовав в придурковатую мысль, что оно, униженное, оклеветанное, преданное, втоптанное в смрадную грязь, способно будет распуститься вновь бутоном свежей прекрасной жизнеутверждающей розы. Вместо того, чтобы воссоздавать, модернизировать, усовершенствовать, они возжелали все оплевать и разрушить. Что из этого вышло, какие плоды пожинала интеллигенция, следует напомнить сегодня уже нынешним кухонным умникам. Это были реки братоубийственной крови, миллионы невинных жертв, а сама в высшей степени просвещенная интеллигенция была утрамбована в грунт как содержимое выгребной ямы, а те, кому посчастливилось остаться в живых, превратились в изгнанников с волчьим билетом...»[8]

При анализе текстов эксперт должен различать два типа фактов. Первый объединяет любые информационные сообщения, появление которых в широком доступе свидетельствует об обнародовании информации, а наличие самого текста рассматривается как объективная, информативно значимая данность, существующая в реальном мире в качестве публичного элемента объективной действительности. К информационным фактам относятся: обнародованные фактические данные, положительные или отрицательные оценки чего-либо мнения, волеизъявления и т. п. Одним словом, все те мысли, которые устно

[8] Текст взят с сайта: http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/67116.

или письменно выразил и обнародовал автор. При таком понимании информационного факта публично не распространявшаяся информация не должна подвергаться экспертизе, поскольку она социальной значимостью не обладает.

Обнародование и распространение информационных объектов может стать юридически значимым фактом для правоохранительных органов, если его тематика относится к социально-экономическому, межконфессиональному, межэтническому, политическому и т. п. дискурсу. Содержание таких дискурсов часто оказывается потенциально конфликтным, поскольку в них обсуждаются проблемы, возникающие на почве несовпадения «культурных парадигм». Различия в исходных позициях, несводимых к общей основе, способны породить этические, религиозные, социальные, культурные, межпоколенческие конфликты, вовлекающие большие массы людей. В таких случаях эксперту приходится исследовать и предметно интерпретировать содержание информационного факта с целью выявления реальных действующих лиц или референтной группы лиц[9], обозначенных в сообщении. Для этого лингвист должен определить тему сообщения, которая в зависимости от жанра текста и типа дискурса получает специфическую интерпретацию.

В качестве примера рассмотрим фрагмент информационно-новостного текста: «*Участники акции протеста также протестуют против поддержки, которая оказывается Москвой режиму Ахмадинежада, выкрикивая лозунг „Смерть России!“, сообщают зарубежные СМИ*»[10]. Автор, указав на источник сведений, создает самостоятельное текстовое сообщение, находящееся в сфере политического дискурса. Это сообщение должно рассматриваться как целостный информационный факт. Он складывается из указания на несколько фактов второго — речевого — типа: на событие (*акция протеста*) и его качественные характеристики (‘цель акции протеста’, ‘содержание лозунга акции’). Тема сообщения — информация о социально-политическом событии — является потенциально конфликтной, хотя форма изложения не выходит за рамки констатирующих утверждений о реальных действиях, которые могут быть верифицированы.

Этот второй тип информационных фактов относится к функционально-понятийной стороне речевых действий. Речевые факты вскрываются на этапе коммуникативно-прагматического анализа текста, когда эксперт по структуре связей и отношений между предметами,

---

[9] Заметим, что в приведенном выше высказывании В. Безобразова негативной оценке подвергается нереферентная группа лиц («*едва ли не каждый плешивый русский интеллигент*»).

[10] Текст взят с сайта: http://vlasti.net/news/60223.

по комбинациям использованных риторических функций речевых действий должен установить качественные различия между сообщениями — сообщения о фактах, выражение мнения, оценки, волеизъявления. При этом задача эксперта состоит не в том, чтобы «объяснить, о чем говорится в этом тексте», а в том, чтобы доказать, что набор и структура использованных языковых средств решает такие коммуникативные задачи, которые определяют целевую направленность текста.

Речевые факты не всегда содержат беспроблемную информацию — факты могут сообщать сведения о позитивных, негативных, опасных, угрожающих кому-либо явлениях, событиях и т. п. Мнения и оценки могут быть положительными или отрицательными, волеизъявления могут быть противоправными, закономерными, необходимыми и др. Все речевые действия, кроме изложения фактических сведений, могут быть конфликтогенными: реализовывать разные формы нетолерантного речевого поведения, содержать различные волеизъявления радикального характера и быть потенциальным источником конфликта между автором, объектом высказывания, частью аудитории, представителями власти и др.

Конфликтность темы сообщения отражается в конфликтогенных фразах, риторическое содержание которых может быть сведено к мнениям и оценкам. Такие оценочные суждения выражают негативное мнение о каком-либо аспекте политической, экономической, профессиональной деятельности человека (или группы людей) или негативное суждение о социальных, функциональных и личных качествах человека, определяемых его социальным, образовательным, имущественным статусом, социальной ролью, профессиональными признаками и т. д.

Важным признаком конфликтогенной фразы является использование в ней так называемого «языка вражды»[11]. Может показаться уди-

---

[11] Понятие «язык вражды» (синоним «язык ненависти» в англ.: hate speech) широко используется в риторике различных организаций, защищающих права национальных, религиозных, сексуальных и др. меньшинств. В настоящее время это понятие стало интегральным для слов с негативным модусом, выражающих в тексте отрицательное отношение говорящего к оппоненту — носителю иной системы национально-культурных, религиозных ценностей, политических взглядов, поведенческих установок и т. п. См. об этом: *Дзялошинский И. М.* Образы вражды в российских СМИ: социальные, культурные, профессиональные факторы // Российские СМИ: как создается образ врага. Статьи разных лет. М., 2007; *Дубровский Д. В.* и др. Язык вражды в русскоязычном Интернете: материалы исследования по опознаванию текстов ненависти. СПб., 2003; *Кожевникова Г. В.* Язык вражды: типология ошибок журналиста // Прикладная конфликтология для журналистов. М., 2006; *Кроз М. В., Ратинова Н. А.* Экспертная оценка материалов, направленных на возбуждение вражды и ненависти // Цена ненависти. М., 2005.

вительным, но принципиальных различий между конфликтогенными суждениями и речевыми действиями с признаками экстремизма не замечают даже квалифицированные юристы. В качестве такого примера приведем отрывок из учебного пособия, написанного доктором юридических наук профессором И. В. Понкиным. В этом пособии употребление слова с резко негативным модусом (*быдло*) интерпретируется как признак возбуждения межнациональной вражды. Ср.: «Не так давно СМИ публиковали информацию о том, что Ксения Собчак публично заявила: „*Это называется «быдло». Такие вот люди называются быдлом — которые завидуют, ненавидят меня... И эта черта, кстати, свойственна именно русским, поэтому я люблю евреев*“, унизив тем самым человеческое достоинство русских по признаку отношения к национальности. Это заявление было направлено на возбуждение национальной вражды между русскими и евреями и не повлекло за собой какой бы то ни было ответственности К. Собчак»[12].

Приведенный отрывок иллюстрирует едва ли не все практические проблемы, которые необходимо решать в экспертном исследовани в связи с использованием «языка вражды». Во-первых, основное конфликтогенное слово «*быдло*» осталось без надлежащего пояснения, что является типичным примером интерпретации цитаты в отрыве от реального контекста (*Это называется «быдло»* — автор учебного пособия не сообщает, что понимается под местоимением *это*). Во-вторых, принудительно связываются слова, не имеющие ни синтаксической когезии, ни семантической когеренции (словосочетание *эта черта*, по мнению автора, понятийно связано с *быдлом*, хотя контекст свидетельствует об ином). В-третьих, автор утверждает, что «*заявление было направлено на возбуждение национальной вражды*», следовательно, им характеризуется цель, которая побудила говорящего произнести эту фразу. Тем самым по содержанию отдельного фрагмента высказывания автор пособия судит о преходящих мотивах и внутренних интенциях говорящего, а не о целевой направленности полного высказывания[13]. Между тем исследование полного фрагмента интервью дает возможность автору установить реальные задачи высказывания и определить его целевую направленность. Ср.: «[К. Собчак:] Мне неприятно отвечать на такие вопросы! „Блюда по сто долларов“, „знакомиться с миллионерами“... К чему это

---

[12] См.: *Понкин И. В.* Проблемы государственной политики в сфере противодействия экстремистской деятельности: Учебное пособие. М.: Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2011. С. 68–69.

[13] Временны́е свойства «целевой направленности» не могут характеризоваться формой прошедшего времени — *было направлено*, — поскольку являются постоянным признаком содержания текста.

все? Я вообще не понимаю, откуда в вас столько ненависти ко мне? Это называется „быдло“. Такие вот люди называются быдлом — которые завидуют, ненавидят меня... И эта черта, кстати, свойственна именно русским, поэтому я люблю евреев. На самом деле, я очень много работаю. Я встаю в девять утра. И еду на съемочную площадку! Там пашу до четырех часов вечера»[14].

Излагаемые в настоящем пособии подходы к анализу текста позволяют не смешивать в экспертном исследовании понятия, характеризующие «язык вражды», и понятия, определяющие коммуникативно-риторические способы выражения мыслительного содержания. Разница состоит в том, что «язык вражды» характеризует форму языкового выражения, а не его мыслительное содержание. Это дает возможность, «облагородив» языковую форму (ее модус), сохранять неизменным конфликтогенность содержания речевого действия.

Информационный радикализм является одной из разновидностей конфликтогенности речевого действия. Под радикализмом понимается такая форма речевого воздействия, которая оказывает эмоциональное и моральное давление как на общественное мнение в целом, так и на неопределенно большую группу людей, выделяемых по этническому, конфессиональному или социальному признаку. В таких случаях информационное давление оказывается путем распространения негативного, резко критического мнения о выделяемой группе людей и их действиях, выражения уверенности в их неспособности действовать иначе. Авторы радикальных высказываний распространяют на всю выделяемую группу обобщенные оценки с негативным модусом. В информационных атаках нередко используются сведения в форме мнения, обладающего свойствами дезинформации[15]. Обычно они требуют от какой-либо из ветвей власти немедленного вмешательства для исправления ситуации: срочного использования всех возможных легальных форм противодействия этой группе, введения экономических санкций, применения адресного правового регулирования, жесткого судебного преследования и т. п. Радикалистская информационная

---

[14] Добавим, что некорректный заголовок материала — «*Ксения Собчак: „Люблю евреев, потому что все русские — быдло!“*» — не только дезинформирует читателя относительно задач и цели высказывания, но также свидетельствует и о предвзятости автора статьи. См.: http://vlasti.net/news/60223. — 01.08.2005.

[15] *Дезинформация* — интерпретированные или актуализированные сведения, распространяемые в целях манипулятивного воздействия на сознание слушателя путем сознательного искажения контекста, создания фиктивного контекста, предоставления неполной информации, установления ложных причинных связей между частями информации и др.

деятельность обычно отражает активную, нападающую позицию социально-политического или религиозного субъекта (т. е. какой-либо общественной группы), стремящегося к резкому усилению собственного влияния на социальные процессы, добивающегося каких-либо изменений в системе общественных отношений (общих или частных) при помощи политических реформ, решительной смены социально-экономического, политического курса, изменения общественных настроений, нравственного состояния общества законным путем.

Приведем пример конфликтогенного мнения: «*...Пока наше национальное сознание, наша внутренняя и внешняя политика не избавились от комплекса державности, ни о каком соблюдении прав человека в нашей стране нечего и мечтать. А в глазах просвещенного человечества мы так и останемся нелепым соломенным пугалом, годным лишь на то, чтобы на собственном опыте учить других, как не надо жить*»[16]. В этом высказывании обсуждается тема русской ментальности. Конфликтность сообщения заключена не в теме, а в суждении о моральной ущербности всех граждан России. Автор высказывает радикальное мнение, что понятие «*державность*», воспринимаемое гражданами России как положительное ментальное качество, на самом деле является их нравственным недостатком, который не позволяет осознать приоритет «прав человека». Обсуждая понятие «*державность*», автор дает негативную оценку духовным качествам всех граждан страны, поскольку нереферентный объект — «*просвещенное человечество*» — воспринимает каждого из них «*нелепым соломенным пугалом*»[17]. Авторское мнение о понятии «*державность*» и его оценка ментальных качеств сограждан ничего не сообщает слушателю о действительном положении дел, здесь автор выражает всего лишь свое личное отношение к объектам высказывания в соответствии со своими мировоззренческими установками. В данном случае автор убеждает слушателей не в истинности фактов или реальности событий, а в справедливости и обоснованности обобщающих выводов из рассуждений, основанных на собственном мнении — исходной мысли

---

[16] Из высказываний правозащитника С. Ковалева (см.: http://za.zubr.in.ua/2010/03/15/5099/).

[17] При назначении экспертиз тему сообщения иногда смешивают с целью сообщения. Для части правоприменителей такое различение остается сложной задачей, поскольку выражение личного оценочного мнения с параметром «хорошо/плохо» по конфликтной теме ими воспринимается как противоправное речевое действие. Для несведущих людей выражение конфликтогенного (дискредитирующего) мнения часто эквивалентно совершению экстремистского речевого действия — это довольно распространенная логико-понятийная ошибка. Эксперт обязан безошибочно различать такие случаи.

всего высказывания. Оно — исходное мнение — состоит в том, что «*ни о каком соблюдении прав человека в нашей стране нечего и мечтать*».

В отличие от конфликтогенных мнений и конфликтных высказываний, информационный экстремизм — это форма речевого воздействия, причиняющая общественный вред путем нанесения ясно выраженного морально-нравственного ущерба объекту речевой агрессии — представителям какой-либо, национальной, расовой религиозной, социальной группы. Цель экстремистской речевой деятельности состоит в пропаганде враждебного и ненавистнического отношения к личности, агитации за насилие против личности, выражающейся в обосновании и оправдании или публичной угрозе причинения вреда здоровью, экономического или политического ущерба, в призывах к психологическому или физическому насилию, уничтожению человека или группы людей, выделяемых по изменяемым или неизменяемым признакам.

Обычно радикалистские и экстремистские политические группировки отвергают саму возможность компромиссных решений в условиях равноправного существования с другими социальными или политическими субъектами. Но для изменения существующих социально-политических отношений сторонники радикальных действий, в отличие от экстремистов, не выдвигают требований применения физического насилия к представителям какой-либо группы общества или их уничтожения. Радикалистские призывы сводятся в основном к требованию судебных преследований, законодательных ограничений на политическую деятельность представителей власти или какой-либо социальной группы, конституционному изменению общественных отношений, незамедлительной смене (перевыборам) какой-либо ветви власти, отказу от сотрудничества с властями и т. п.

В зависимости от сферы человеческих отношений, в которой возникла конфликтная ситуация, говорят об экстремистских, радикалистских (конфликтогенных) высказываниях в сфере *политических, экономических, социальных (классовых), этнических, религиозных, конфессиональных, профессиональных, экологических отношений*. Например, основным риторическим приемом, используемым приверженцами политического радикализма, является пропаганда тезиса о неспособности действующей власти реализовать политико-экономические полномочия, пропаганда мысли о близком крахе существующей общественно-политической системы, неизбежности установления социальной справедливости за счет изменения персонального состава во властных структурах и необходимости сурового наказания виновных в нынешней политической, экономической, экологической и т. п. ситуации.